

Выступление в прениях
адвоката Ужахова Асхаба Мальсаговича
в защиту интересов Ужахова Мальсага Мусаевича.

В рамках уголовного дела №1-35/2021 Кисловодским городским судом Ставропольского края был вынесен приговор от 15.12.2021, которым Ужахов Мальсаг Мусаевич, 09.11.1952 года рождения, гражданин Российской Федерации, уроженец г. Темиртау Карагандинской области, имеющий высшее образование, женатый, пенсионер, инвалид 2 группы, зарегистрированный и проживающий по адресу: Республика Ингушетия, Назрановский район, сельское поселение Барсуки, пер. Одесский, дом 6, признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 282.1, частью 3 статьи 33, частью 2 статьи 318, частью 2 статьи 239 Уголовного кодекса Российской Федерации и приговорен к лишению свободы в колонии общего режима сроком на 9 лет с ограничением свободы сроком на 1 год и 6 месяцев, с запретом заниматься общественной деятельностью сроком на 5 лет.

Указанный приговор помимо того, что является незаконным и необоснованным, он также является порочным с юридической точки зрения, так как дискредитирует судей, как носителей судебной власти, потому что ярко демонстрирует каким может оказаться по содержанию судебный акт, когда судья пренебрегает необходимостью полного и всестороннего исследования всех обстоятельств имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

Создание экстремистского сообщества

Переходя непосредственно к анализу каждого эпизода обвинения, предъявленного Ужахову М. и другим подсудимым, следует сразу же обратить внимание на то, что в обжалуемом приговоре суд дает неверную оценку обстоятельствам «создания экстремистского сообщества» и проведения митинга июня 2018 года, фактически повторяя ничем необоснованную и явно противоречивую версию следствия и обвинения.

Речь идет о том, что «экстремистское сообщество» якобы было создано не позднее 31 мая 2018 года, хотя в мае 2018 года Ужахов М.М., являясь председателем регионального общественного движения Ингушетии «Совет тейпов ингушского народа» (далее – Совет тейпов) не был лично знаком и не имел никаких контактов ни с Барахоевым А.О., ни с Мальсаговым М.А. Соответственно, эти люди, не будучи знакомыми друг с другом, никак не могли создать «экстремистское сообщество». Барахоев А.О. в мае 2018 года не являлся членом Совета тейпов (том 176 лист дела 33, страница приговора 285). Знакомство Ужахова М.М. с остальными подсудимыми произошло только осенью 2018 года, за исключением Хаутиева Б.А., с которым Ужахов М.М. был знаком с 2015 года. Довод защиты в этой части подтверждается материалами уголовного дела, а именно справкой ЦПЭ МВД по РИ от 07.06.2018, в которой содержится оперативная информация относительно событий 02.06.2018 (том 96 листы

дела 70 – 71). Этой справке не дана надлежащая оценка судом первой инстанции, поэтому считаю целесообразным ее зачитать (выводы: кто участники, кто организатор).

Из всего вышеизложенного следует, что:

- во-первых, следствие, обвинение, а за ними и суд, выдумывая в течении 4 лет «экстремистское сообщество», так и не удосужились придумать более достоверную хронологию преступных событий и дату создания сообщества, не говоря уже о других фактических обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела;

- во-вторых, символично, что с учетом этой грубой ошибки обвинение по сути рушится в самом его зародыше, так как «уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (часть 1 статьи 282.1 УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности» (пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»).

По прошествии 4 лет момент фактического образования сообщества и объединения двух или более лиц в устойчивую группу стороной обвинения, судом первой инстанции не установлен и не определен! Этот момент и не мог быть определен, потому что никакого «экстремистского сообщества» просто на просто не было. Следствием чего и является замешательство в определении даты образования «экстремистского сообщества».

Митинг 02.06.2018

Относительно митинга 02.06.2018 суд проигнорировал все имеющиеся в материалах дела доказательства, показания свидетелей, так как в ходе судебного следствия было установлено, что Ужахов М.М. не являлся организатором митинга 02.06.2018.

Обвинением верно указано, что 17.05.2018 Ужахов М.М. совместно с Аушевым А.-Б.З. и Богатыревым Б.А. направил уведомление в Правительство Республики Ингушетия о проведении 28.05.2018 публичного мероприятия в форме митинга на территории города Магаса Республики Ингушетия, целью проведения которого являлось «Требование возврата жителям Республики Ингушетия конституционного права – прямых выборов Главы Республики Ингушетия». При этом, ни Барахоев А.О., ни Мальсагов М.А., ни остальные подсудимые не принимали никакого участия в подаче этого уведомления и организации проведения митинга. 18.05.2018 Правительством Республики Ингушетия отказано в согласовании проведения вышеуказанного публичного мероприятия, о чем в адрес Ужахова М.М. в установленном законом порядке направлен мотивированный ответ (том 95 листы дела 110 – 117). На этом активные действия Ужахова М.М., как председателя Совета тейпов,

по организации массового публичного мероприятия в Магасе в мае-июне 2018 года были завершены. После получения отказа от Правительства Ингушетии Совет тейпов отказался от идеи проведения митинга 28.05.2018, хотя если следовать логике обвинения Совет тейпов должен был это сделать, так как нет никакой разницы в том выводить людей на несанкционированный митинг 28.05.2018 или несколькими дня позже 02.06.2018. Повторюсь, ни 28.05.2018, ни 02.06.2018 Совет тейпов в лице Ужахова М.М. не позволил со своей стороны нарушения действующего законодательства о порядке проведения публичных мероприятий, что также подтверждается судебными актами, имеющимися в материалах дела.

Уведомление на проведение митинга 02.06.2018 Совет тейпов в лице Ужахова М. не подавал. На указанную дату было подано два уведомления от региональных отделений партий «Интернациональная Россия» и «Защитники Отечества» (том 177 листы дела 151-216, страницы приговора 288-290). В итоге организатором митинга выступило региональное отделение партии «Защитники Отечества», в этой части показания Ужахова М.М. полностью сходятся с показаниями председателя этой партии Хаутиева М.О., который был допрошен в ходе судебного следствия (страницы приговора 265-266), более того вышеизложенные обстоятельства подтверждаются уведомлением о проведении митинга 02.06.2018 от партии «Защитники Отечества» (том 174 листы дела 135-137, страница приговора 282), а также представленными Правительством Ингушетии документами относительно согласования либо не согласования публичных мероприятий в период с мая 2018 года по июнь 2019 года, среди которых отсутствует отказ Правительства Ингушетии в согласовании публичной акции партии «Защитники Отечества» (том 95 листы дела 102 – 121, том 177 листы дела 151-216, страницы приговора 288-290).

Именно вследствие того, что Правительство Ингушетии после получения уведомления в установленный законом срок не довело до организатора публичного мероприятия предложение об изменении места и (или) времени его проведения, указанная акция таким бездействием фактически была согласована и это соответствует правовой позиции установленной постановлением Конституционного Суда России от 14.02.2013 N 4-П и постановлением Пленума Верховного Суда России от 26.06.2018 №28.

По итогам проведенного митинга сам Ужахов М.М. был оштрафован как участник митинга и этот штраф был впоследствии отменен, как и многочисленные штрафы других участников митинга 02.06.2018 (том 172 листы дела 214-218, страница приговора 295).

Об отсутствии у Ужахова М.М. какой-либо вражды тем более политической к действовавшему на тот момент Главе республики свидетельствуют события, связанные с этим митингом. Так, из видеовыступления инициативной группы по проведению митинга, выступлений ораторов на самом митинге, прямо следует, что жители республики были готовы на переизбрание Евкурова Ю. на третий срок в результате выборов путем прямого голосования всех жителей республики, т.е. для граждан был

важен сам процесс проведения прямых всенародных выборов, а не личность Евкурова Ю. (том 176 листы дела 222-229, страница приговора 286).

Обвинение абстрактно указало, а суд первой инстанции закрепил, что не позднее 23 часов 54 минут 31.05.2018, при помощи неустановленных в ходе предварительного следствия лиц, Ужахов М.М. подготовил и записал видеообращение к жителям Республики Ингушетия, содержащее направленное в их адрес побуждение к совершению заведомо противоправных деяний – участие 02.06.2018 в несогласованных с органом исполнительной власти Республики Ингушетия публичных мероприятиях перед зданием НС РИ, то есть к совершению административных правонарушений, влекущих за собой административную ответственность по ст. 20.2 КоАП РФ.

В материалах дела есть достоверные сведения о том, когда и во сколько было опубликовано обращение Совета тейпов по поводу митинга 02.06.2018 (том 96 листы дела 73 – 82). Это рапорт ЦПЭ МВД по РИ, которому также не дана надлежащая оценка судом первой инстанции, и из которого следует, что видео под названием «Заявление инициативной группы по проведению митинга 02.06.2018» (том 176 листы дела 182-186, страница приговора 286) было опубликовано в сети интернет 31.05.2018 в 10:45 и только следом за этим обращением последовало видео «Заявление Совета тейпов по поводу проведению митинга 02.06.2018» (том 12 листы дела 1-10), которое было опубликовано 31.05.2018 в 11:54, т.е. с разницей в более чем один час.

В контексте содержания указанного рапорта, который был приобщен к материалам уголовного дела по инициативе следователей на стадии предварительного следствия, мне непонятно как эти следователи при составлении обвинительного заключения, а затем обвинение и суд первой инстанции, который не утруждая себя скопировал текст обвинительного заключения и вставил его в приговор, как они умудряются в мотивировке преступных деяний Ужахова М. указывать на то, что якобы «...в неустановленном следствием время и месте, не ранее 23 часов 54 минут 31.05.2018 года, при помощи неустановленных в ходе предварительного следствия лиц, опубликовал вышеуказанное видеообращение на общедоступном для открытого просмотра официальном интернет-сайте «www.sovet-teipov.ru» общественного движения Ингушетии Совет тейпов...» (страницы приговора 10-11).

Таким образом, следствие, обвинение и суд утаили тот факт, что это обращение последовало вслед за обращением инициативной группы по проведению этого митинга, которая объявила о согласованности акции вследствие бездействия правительства.

То есть фактически цепочка обстоятельств складывалась таким образом:

- партия Защитники Отечества имели основания для организации митинга;
- с учетом этого была создана инициативная группа по проведению митинга 02.06.2018, которая выступила с соответствующим обращением к гражданам;

- и только потом одно из общественных движений Ингушетии - Совет тейпов ингушского народа выступило с обращением, что участники этого движения также выйдут на митинг.

Еще раз считаю необходимым обратить внимание на лиц, входивших в инициативную группу по проведению митинга июня 2018 года, то есть митинга, который по версии обвинения является первым эпизодом преступной деятельности экстремистского сообщества. По оперативной информации ЦПЭ из подсудимых только один человек участвовал в этом митинге. Возникает закономерный вопрос: почему рядом с подсудимыми не сидят вышеперечисленные лица если митинг июня - это эпизод преступной деятельности; почему они хотя бы не допрошены в качестве свидетелей? Хотя один из них все-таки был допрошен в ходе судебного следствия 17.02.2021 и это Хучиев Дауд, свидетель обвинения (страницы протокола судебного заседания 824-841, страницы приговора 124-125), который показал, что «он был руководителем оргкомитета митинга 02.06.2018, митинг был разрешен, так как они подали заявки от трех партий и четырёх общественных организаций и Правительство умудрилось упустить одну заявку, чем они и воспользовались, отсутствие отказа трактуется как разрешение. На этом митинге никого из подсудимых кроме Ужахова М. не было.».

Уважаемый суд, эти показания полностью согласуются с иными материалами уголовного дела и в случае соблюдения Вами требования статьи 88 УПК РФ относительно необходимости оценки доказательств в их совокупности, то вы непременно придете к выводу, что митинг июня 2018 года Ужаховым М. не организовывался, остальные подсудимые в нем не участвовали и не имеют к его проведению никакого отношения.

Если же все-таки инициаторами этого митинга являются подсудимые, то почему их нет на видео, нет в оперативных справках МВД, о них не упомянул ни один свидетель, в отношении них нет судебных актов о привлечении к ответственности, с их стороны нет уведомлений о проведении митинга в этот период и тд?

Митинг октября 2018 года

В приговоре суд также заведомо неверно трактует события октября 2018 года, так как по сути мероприятия представляли собой сход граждан для поддержания депутатов парламента при принятии ими решения о ратификации соглашения по границе. Подчеркиваю, что в тот день люди собрались для поддержания, а не противодействия деятельности депутатов, как это попытались преподнести следствие, обвинение и суд. Так, в материалах уголовного дела имеется заключение лингвистического исследования видеообращения Ужахова М., приуроченного к выходу граждан 04.10.2018 (том 96 листы дела 135-149). Выводами лингвистического исследования №27-19 от 20.05.2019 установлено, что в обращении Ужахова М. имеются высказывания, содержащие побуждение к совершению действий, носящих массовый характер – собраться и пойти завтра в восемь часов утра на площадь перед парламентом. При этом, цель

осуществления указанных действий – это поддержка части депутатов парламента при принятии важного решения.

За участие в этом мероприятии Ужахов М.М. также был оштрафован и этот штраф также был отменен (том 172 листы дела 224-228, страница приговора 295). Обращаю внимание суда, что и в этот раз Ужахов М.М. был оштрафован как участник, а не организатор массового мероприятия. Статус организатора митинга Ужахов М.М. получил только после согласования поданного им уведомления о проведении публичной акции (том 175 листы дела 179-183, страница приговора 285) и как организатора митинга его к административной ответственности не привлекали.

Как известно поводом для выхода граждан 04.10.2018 послужил тот факт, что 26.09.2018 Главой Республики Ингушетия Евкуровым Ю. и Главой Чеченской Республики Кадыровым Р.А. подписано соглашение, подлежащее утверждению депутатами законодательных органов субъектов. 04.10.2018 НС РИ принят Закон «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» №42-РЗ от 04.10.2018 (том 32 листы дела 32-127). Подписание указанного соглашения и принятие утверждающего его закона вызвало общественный резонанс в Республике Ингушетия. Почему? Да потому что это было сделано вопреки воле народа, так как в 2013 году был проведен Съезд народа Ингушетии именно по этому поводу и для жителей республики было ясно, что это соглашение кардинально идет вразрез с мнением народа, выраженным на Съезде в 2013 году (том 177 листы дела 17-49, страница приговора 287). Кроме того, жителей республики возмутило, что была нарушена процедура подписания этого соглашения, установленная Конституцией РИ и Законом о референдуме.

С 8 по 18 октября собрание граждан в поддержку депутатов НС РИ переросло в санкционированный митинг, который впоследствии благополучно завершился.

Более того, на дату завершения митинга организатором заблаговременно было получено разрешение на проведение митинга с 31 октября по 2 ноября 2018 года (том 177 листы дела 64-66, страница приговора 287). Фактические обстоятельства сложились таким образом, что подсудимые, которым навесили ярлык «экстремистов» не воспользовались правом проведения митинга с 31 октября по 2 ноября 2018 года, хотя была подходящая дата и возможность осуществления «коварных» целей «экстремистского сообщества». Я, конечно же, говорю это с сарказмом, потому что на самом деле 31.10.2018 митинг был досрочно завершен именно в целях избежания провокаций в памятную дату событий октября 1992 года, а также с учетом того, что 30.10.2018 было вынесено справедливое постановление Конституционного суда Республики Ингушетия, которое значительно снизило напряжение в ингушском обществе. Отмечу, что мероприятие 31.10.2018 было завершено досрочно, несмотря на открытое недовольство некоторых граждан и общественных деятелей республики (том 177 листы дела 67-77, страница приговора 287).

Вызов в «шариатский суд»

В обжалуемом приговоре суд дает оценку проведению Духовным центром мусульман Ингушетии своего очередного заседания, проведенного в полном соответствии с действующим законодательством.

Действующей системой судоустройства Российской Федерации не предусмотрен такой орган правосудия как шариатский суд, точно также как суд Божий. Хотя оба эти суда имеют место быть для людей верующих и искренне набожных.

Об отсутствии шариатского суда в ходе судебного следствия показали свидетели Хамхоев И.Б. (муфтий Ингушетии, страницы приговора 109-110), Цороев И.А. (заместитель кадия Ингушетии, страницы приговора 132-133), имамы мечетей населенных пунктов Ингушетии Цицкиев А.М. (страницы приговора 133-134), Евлоев М.А. (страница приговора 134), Омаров М.Б. (страницы приговора 135-136), Гагиев И.Я. (страницы приговора 136-137), Муцольгов А.З. (страница приговора 137), Хаштыгов М.М. (страницы приговора 259-260). Аналогичные показания дали сами депутаты, присутствовавшие в тот день в здании Духовного центра мусульман Ингушетии, и на которых якобы оказывалось давление, - это свидетели Евлоев Б.М. (страницы приговора 116-117), Оздоев З.И. (страницы приговора 120-121), Накастоев А.Ж. (страницы приговора 101-103), Мамилов З.И. (страницы приговора 103-104).

Кроме того, к материалам дела приобщен ответ Управления Министерства юстиции России по Ингушетии от 30.06.2021 №06/03-1193, согласно которому в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций отсутствуют сведения о государственной регистрации «Шариатского суда» (том 174 лист дела 31, страница приговора 281).

Совету тейпов в лице Ужахова М.М. и Барахоева А.О. вменяют в вину вмешательство в деятельность госорганов. По мнению обвинения Советом тейпов оказано давление на депутатов НС РИ в целях склонения их к нарушению установленных для них ограничений и запретов.

Во-первых, никакого давления и тем более вмешательства в работу депутатов, НС РИ и других госорганов и должностных лиц Совет тейпов не осуществлял. Совет тейпов согласно уставной деятельности и действующим законам мог себе позволить только взаимодействовать с органами и должностными лицами на добровольной основе, требовать от органов и должностных лиц исполнения действующих законов и не допускать со стороны органов и должностных лиц их нарушения. Именно в таком русле работал Совет тейпов и не надо пытаться трактовать и преподносить деятельность Совета тейпов иначе, в умышленно искаженном виде. В этой части многие свидетели обвинения отметили, что Совет тейпов на самом деле не посягал на чьи-либо права, а, наоборот, защищал их.

Во-вторых, статья 17 Федерального закона от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Закон об общественных объединениях) гласит, что вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных

объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим федеральным законом.

Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности.

Вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений в предусмотренных законом случаях, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соответствующих общественных объединений или по согласованию с ними.

Таким образом, указанная статья не запрещает, а наоборот предполагает тесное взаимодействие государства в лице государственных органов с общественными объединениями в рамках действующего правового поля. Исходя из этого и осуществлял свою деятельность Совет тейпов.

Необходимо отметить, что Духовный центр мусульман Ингушетии, как и многие Духовные центры практически в каждом субъекте Российской Федерации, осуществляют свою деятельность в форме религиозной общественной организации. Одной из функций таких Духовных центров является дача мусульманам разъяснений, консультаций и рекомендаций по возникающим вопросам с учетом положений религиозного Писания, сложившихся в том или ином регионе обычаев и тд. Обращение двух спорящих сторон за дачей разъяснений Духовным центром мусульман РИ, а именно Кадиятом и дача таких разъяснений Кадиятом, выступающего своего рода посредником между двумя сторонами, является ничем иным как альтернативной мерой урегулирования возникающих споров, и ни в коей мере не нарушает ни одного из законов России. У нас в народе такое урегулирование спора условно называют «шариатским судом».

Это подтверждается в том числе имеющимся в материалах дела и приобщенным на стадии следствия Уставом централизованной религиозной организации «Духовный центр мусульман Республики Ингушетия», согласно которому указанная общественная организация не занимается политической деятельностью, а имеет в составе такой орган как Кадият, который является главным консультантом по шариатским вопросам на территории Республики Ингушетия. В обязанности Кадията, в том числе входит решение всех вопросов, связанных с консультациями по шариатскому праву. Этот устав согласован при утверждении с Управлением Минюста России по Ингушетии (том 33 листы дела 149-155).

Считаю необходимым обратить внимание коллегии судей на то, что в материалах дела имеется предостережение Прокуратуры Ингушетии от 14.12.2018 о недопустимости нарушения закона, из которого следует, что Барахоеву А.О. объявлено предостережение о недопустимости оказания воздействия на депутатов НС РИ, в связи с вызовом им депутатов посредством видеообращения в сети интернет в «Шариатский суд». Данное предостережение объявлено под роспись Барахоеву А.О. в тот же день, то

есть 14.12.2018 (том 34 лист дела 147). Это предостережение приобщено к делу на стадии следствия.

При этом судом первой инстанции 21.09.2021 по инициативе адвоката Точиева Б. приобщено к материалам дела определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.05.2020, которым оставлено в силе решение Магасского районного суда Ингушетии от 13.02.2019, которым в свою очередь предостережение прокуратуры в отношении Барахоева А. признано незаконным (том 176 листы дела 29-32). Примечательно, что суд первой инстанции удовлетворяя ходатайство Точиева Б. о приобщении указанного судебного акта, мотивировал это тем, что государственный обвинитель ссылаясь на предостережение, как на доказательство вины Барахоева А. именно в контексте вызова в шариатский суд, и данное определение имеет непосредственное отношение к материалам уголовного дела и суду ему необходимо дать оценку (страница 2337 протокола судебного заседания). При этом оценка судом не дана, более того в своем приговоре судья перечислил доказательства, содержащиеся в томе 176, за исключением именно этого определения Верховного Суда России.

Кроме того, в материалах дела в этом же 176 томе имеется письмо депутатов Народного собрания Республики Ингушетия от 23.03.2020 №262, адресованное судье, рассматривавшему дело о ликвидации общественной организации Совет тейпов ингушского народа. Последнему вменялось давление на депутатов Народного собрания Республики Ингушетия путем публичных обращений в сети Интернет, а именно путем вызова депутатов в так называемый шариатский суд. Указанные обвинения были опровергнуты как самими депутатами посредством указанного письма, так судом в своем судебном акте (том 176 листы дела 237 – 250, страница приговора 287). В своем письме депутаты сообщили, что явились в Кадият добровольно, им никто не угрожал и не пытался оказать на них давление, и по результатам встречи какого-либо решения Кадият не выносил и к исполнению не обязывал.

В этой связи Совет тейпов не считает, что допустил нарушение российского законодательства, пригласив депутатов НС РИ в Кадият Духовного центра мусульман Ингушетии. Повторюсь, Совет тейпов пригласил депутатов. Не обязал, не заставил, не принудил, а пригласил и депутаты самовольно, кто счел это возможным и нужным, приняли это приглашение. Совет тейпов в своих действиях строго руководствовался Законом об общественных объединениях и своим Уставом, согласованным Управлением Министерства юстиции России по Республике Ингушетия (том 33 листы дела 205-217).

Согласно статье 27 Закона об общественных объединениях для осуществления уставных целей общественное объединение, являющееся юридическим лицом, имеет право представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях, а также выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти.

Уставом Совета тейпов в пункте 1.1. предусмотрено, что Совет тейпов является добровольным, самоуправляемым общественным объединением граждан, проживающих на территории Республики Ингушетия. Отметим, что в большинстве своем граждане Республики Ингушетия являются приверженцами религии Ислам, а примерно половина таких граждан имеет право голоса и являются активными избирателями.

Одной из конкретно обозначенных целей Совета тейпов согласно пункту 2.1. Устава является разработка и реализация на практике программ, предусматривающих восстановление исторической справедливости в отношении как участников Совета тейпов, так и всего ингушского народа, осуществление прав и отстаивание законных интересов, связанных с реализацией Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и статьи 11 Конституции РИ.

Хочу напомнить суду, что статья 11 Конституции РИ гласит, что возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия - важнейшая задача государства. Обращаю Ваше внимание, что участники Совета тейпов, как и большинство народа Ингушетии осенью 2018 года и весной 2019 года, с учетом положений вышеназванной статьи, предпринимали все законные способы, чтобы не допустить незаконное отторжение земель и сохранить территориальную целостность Республики Ингушетия, так как действиями Главы региона и частью депутатов НС РИ при подписании вышеназванного соглашения и его последующей ратификации были допущены грубые нарушения норм Конституции РИ, Закона о референдуме и других законов.

Пункт 2.2. Устава предусматривает, что для достижения поставленной цели Совет тейпов вправе:

- добиваться всеми возможными, не противоречащими российскому законодательству, способами выполнения в полном объеме Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и статьи 11 Конституции РИ;

- пропагандировать приоритет духовных, нравственных начал в жизни ингушского народа, основанных на канонах Ислама и норм адата-неписанных законов наших предков, не противоречащих Конституции РФ;

- осуществлять мероприятия, направленные на организацию гражданского общества, способного поставить власть под общественный контроль, требование соблюдения органами власти прав и свобод гражданина на территории Республики Ингушетия;

- активно сотрудничать с другими общественными и религиозными организациями, поддерживающих цели Совета тейпов.

Более того, в соответствии с пунктом 2.5. Устава Совет тейпов вправе представлять и защищать свои права, законные интересы своих участников, а также

других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях, что согласуется с ранее указанной статьей 27 Закона об общественных объединениях.

Исходя из содержания пункта 1.3. Устава Совет тейпов осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией РФ, Конституцией РИ, Гражданским кодексом РФ, Законом об общественных объединениях, иными правовыми актами РФ.

Так, согласно статье 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. При этом, в пункте 2 этой же статьи указано, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Гражданским кодексом РФ в статье 12 четко определен перечень способов, с помощью которых каждый гражданин может защитить свои права. Более того, статья 14 Гражданского кодекса РФ допускает самозащиту гражданских прав, оговаривая, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Таким образом, участники Совета тейпов, приглашая депутатов в Кадият, защищали свои права, в первую очередь право жить на земле своих предков, а также защищали законные интересы сохранить целостность своей республики, и самое главное защищали способом, не запрещенным действующим законодательством, как того требует Конституция РФ. В этом смысле абсолютно неуместен и необоснован вывод суда, изложенный на странице 337 приговора о том, что «на территории Российской Федерации «шариатский суд» запрещен».

В дополнение к изложенному можно отметить, что Гражданским кодексом Российской Федерации в отдельную статью (статья 5) выделено понятие обычая, под которым подразумевается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Обычное право - совокупность норм неписаного права, обязательных для исполнения наряду с законом и находящихся под такой же правовой защитой со стороны власти, как и нормы закона. В нашей республики обычное право состоит из религиозных норм шариата и национальных обычаев, актуальных в выстраивании и урегулировании отношений внутри ингушского общества.

Необходимо отметить, что российское законодательство создало юридическую базу для образования институтов разрешения споров в форме третейского суда и института медиации. Такие структуры, как третейский суд, медиация, кадият или если хотите называйте «шариатский суд», являются альтернативой судебному разбирательству и содействуют развитию социальных отношений в той или иной сфере.

С учетом всего вышеизложенного считаю, что нет ничего противозаконного в факте приглашения депутатов НС РИ в Кадият Духовного центра мусульман Ингушетии, так как их пригласили в первую очередь как мусульман, проживающих на территории РИ, которыми они не перестают быть, какую бы должность они не занимали. И вызвал их не кто-нибудь, а их избиратели – граждане, ингуши, мусульмане из Совета тейпов! Считаю в корне неверной саму постановку вопроса в той плоскости, что пока ты простой смертный - ты можешь быть вызван в Кадият, но как только стал госслужащим, то религиозные нормы и национальные обычаи на тебя не распространяются.

Более того, вопрос о том, являться в Кадият или нет, это дело самого приглашенного. Насильно, под угрозой репрессий никто никого не вызывает! Решение такого консультативного органа носит лишь рекомендательный характер с учетом действующей правовой системы. Здесь большую роль играет совесть человека: если веришь во Всевышнего, чтить устои предков и боишься совершить грех, то ты прислушиваешься к рекомендациям Кадията, или же все с точностью да наоборот. Кто хотел принял в тот день приглашение своих избирателей, граждан республики, а тот же кто не хотел - не пришел. Присутствовавшие депутаты ответили на поставленные им вопросы и благополучно покинули здание Духовного центра мусульман Ингушетии. В свою очередь, никаких репрессивных мер или публичных осуждений не применялось со стороны Кадията к тем, кто не пришел.

С учетом изложенного, действия Совета тейпов строго соответствовали Уставу и российскому законодательству. В противном случае просим Вас, уважаемый суд, разъяснить какая именно норма права была нарушена действиями Совета тейпов, так как прокуратура нам этого не разъяснила, суд тоже.

Что касается работы депутатов, якобы запрета разглашать ими служебную информацию и тд., то опять же в обвинительном заключении однобоко преподнесена ситуация по вызову депутатов НС РИ в Кадият и их объяснений на этой встрече. И если исходить из всего, что изложено в обвинительном заключении, то получается, что депутаты НС РИ, являясь свидетелями явного нарушения законов, не могут в целях защиты своих интересов и интересов своих избирателей обращаться и озвучивать свое мнение в следственных и судебных органах, так как это может быть расценено как разглашение ими служебной информации по причине оказания на них давления со стороны кого-либо и тп. Это абсурд!

В подтверждение ложности выводов, сделанных обвинением, целесообразно обратиться к содержанию Закона Республики Ингушетии от 8.07.2004 № 18-РЗ «О статусе депутата Народного Собрания Республики Ингушетия», статья 1 которого гласит, что депутатом НС РИ является избранный в соответствии с федеральными законами и Законом Республики Ингушетия «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия» представитель народа.

Подпунктами 9, 10 пункта 1 и пунктом 2 статьи 6 указанного закона установлено, что формами депутатской деятельности являются обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившегося нарушения прав граждан и непосредственная работа с избирателями. Деятельность депутата НС РИ может осуществляться также в иных формах, предусмотренных федеральным законодательством, Конституцией Республики Ингушетия, настоящим Законом и Регламентом Народного Собрания.

Из содержания статьи 7 Закона Республики Ингушетии от 8.07.2004 № 18-РЗ «О статусе депутата Народного Собрания Республики Ингушетия», которая так и называется «Взаимоотношения депутата Народного Собрания с избирателями», следует, что депутат НС РИ, избранный в результате распределения депутатских мандатов по общереспубликанскому списку кандидатов, поддерживает связь с избирателями единого избирательного округа.

Депутат НС РИ принимает меры по обеспечению прав, свобод и законных интересов своих избирателей: рассматривает поступившие от них предложения, заявления и жалобы, способствует в пределах своих полномочий правильному и своевременному решению содержащихся в них вопросов; ведет прием граждан; изучает общественное мнение и при необходимости вносит предложения в соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные объединения.

Депутат НС РИ информирует избирателей о своей деятельности во время встреч с ними, а также через средства массовой информации.

Принимая меры по обеспечению прав, свобод и законных интересов избирателей, депутат НС РИ взаимодействует с органами государственной власти, органами и депутатами органов местного самоуправления, с политическими партиями и иными общественными объединениями.

По сути взаимодействие с депутатами НС РИ велось осенью 2018 года исключительно с учетом вышеизложенных норм, каких-либо нарушений или превышения пределов взаимодействия избирателей и депутатов со стороны представителей Совета тейпов, а тем более депутатов НС РИ не допускалось.

Необходимо также отметить, что смысл тайного голосования заключается в сохранении анонимности выбора или волеизъявления гражданина при процедуре голосования. При этом, сохранение в тайне результата голосования является правом, а не обязанностью каждого голосующего. Именно поэтому сама по себе тайна голосования не может приравниваться к государственной тайне, за разглашение которой предусмотрена ответственность.

Принцип тайного голосования означает, что никто, кроме самого избирателя не имеет права знать о содержании его персонального волеизъявления и никто не вправе оказывать давление на волеизъявление избирателя. В международном праве этот принцип закреплен в статье 21 Всеобщей декларации прав человека, пункте 7.4

Документа Копенгагенского совещания Конференции ОБСЕ и статье 5 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах.

Не является нарушением принципа тайного голосования опросы избирателей о том, как они собираются голосовать или как проголосовали, если такие опросы проводятся с соблюдением принципов добровольности участия и ответов респондентов (избирателей, участников референдума).

Таким образом, в действиях депутатов НС РИ, огласивших свою позицию по соглашению в Кадияте или где-либо еще, нет нарушения закона, так как такого рода информация не подпадает под ограничения, установленные Законом РФ от 21.07.1993 №5485-1 «О государственной тайне». Тем более, что информация о том, как проголосовал тот или иной депутат НС РИ была публично озвучена самими депутатами еще 4 и 5 октября 2018 года, т.е. до их приглашения в Кадият.

Подытожив изложенное, хотел бы обратить внимание суда на один из важных эпизодов, который умышленно был игнорирован со стороны следствия, обвинения и суда. Это случай с Ахмедом Барахоевым, когда председатель парламента Чечни, герой России Даудов М. приглашал Ахмеда к шариатскому разбирательству. Этот случай дает основания сделать два вывода: призывать к урегулированию спора посредством религиозных норм можно большим чиновникам, но нельзя простым смертным; либо это все-таки свидетельствует о том, что вне зависимости от рангов и чинов в ингушском, чеченском обществах люди иногда обращаются к религиозному деятелю в целях урегулирования конфликтной ситуации.

События марта 2019 года

Обвинение и суд первой инстанции не смогли разобраться даже в хронологии событий, связанных с согласованием митинга марта 2019 года, ввиду чего в обвинительном заключении, соответствующую, в обжалуемом приговоре, так как он по сути является копией этого заключения, неверно указаны некоторые нюансы, связанные с согласованием этого публичного мероприятия.

Общественное движение «Опора Ингушетии» действительно направило 14.03.2019 в Правительство Республики Ингушетия уведомление о проведении на площади перед зданием национальной телерадиокомпании «Ингушетия» публичного мероприятия в форме митинга, в период с 10 часов 26.03.2019 по 19 часов 28.03.2019 (том 30 лист дела 98, том 175 лист дела 160, страница приговора 230).

При этом на уведомление от 14.03.2019 был получен ответ Правительства Ингушетия от 16.03.2019 №3Е-511/р, которым митинг был согласован с 10:00 до 15:00 26.03.2019, но не в городе Магас, а в городе Назрань (том 175 лист дела 163).

Не согласившись с изменением периода и места проведения публичного мероприятия общественное движение «Опора Ингушетии» 19.03.2019 было направлено соответствующее письмо в адрес Правительства Ингушетии (том 175 лист дела 164), а затем и повторное уведомление от 22.03.2019 о проведении на площади

перед зданием НТРК «Ингушетия» публичного мероприятия в форме митинга в период с 10 часов 26.03.2019 по 19 часов 28.03.2019 (том 175 лист дела 165).

И уже в ответ именно на указанное уведомление от 22.03.2019 был получен ответ Правительства Ингушетии от 25.03.2019 №3Е-586/р (том 175 лист дела 167).

Эти уведомления не были направлены по указанию Ужахова М.М. и др., как утверждает обвинение. Необходимо отметить, что за мартовский митинг Ужахов М. был оштрафован как участник публичного мероприятия (том 172 листы дела 235-243, страницы приговора 295-296). К непосредственной организации митинга Совет тейпов и Ужахов М.М. отношения не имели. Аналогично с митингом июня 2018 года после того, как было очевидно, что митинг является согласованным Совет тейпов выступил с призывом к гражданам республики выйти на согласованный митинг.

Касательно поданного уведомления, следствие, обвинение, суд сами указывают, что уведомление было подано на три дня – с 26 по 28 марта 2019 года. Почему именно на три дня тоже было ясно. Это пояснили депутаты НС РИ в ходе их допроса в качестве свидетелей. Так вот из ответа Правительства РИ следует, что они согласовывают митинг на 26.03.2019, но относительно 27 и 28 марта информация не предоставлена, что согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, может расцениваться как согласование публичной акции. Несмотря на это было подано повторное уведомление вечером 26 марта. Этот хотя и незначительный эпизод, уважаемый суд, в обязательном порядке подлежит пристальному изучению и оценке со стороны суда в совокупности с обстоятельствами, имевшими место быть в октябре и ноябре 2018 года. Ведь сам факт подачи уведомления свидетельствует о намерениях организаторов митинга вести свою деятельность в правовом русле, а также об отсутствии намерений проводить несанкционированные мероприятия с возможным столкновением. Тем более что в октябре и ноябре 2018 года такие уведомления принимались, рассматривались и согласовывались Правительством РИ, несмотря на нарушение сроков их подачи и тд. Кроме того, в период с 4 по 6 октября 2018 года, несмотря даже на то, что был перекрыт проспект столицы Ингушетии сотрудники никого не разгоняли и не вытесняли. Не было оснований это делать и в марте 2019 года. Поэтому организаторы митинга с учетом ранее сложившихся отношений с органами исполнительной власти и правоохранительными органами рассчитывали на дальнейшее цивилизованное проведение мероприятия и не рассчитывали на провокацию со стороны властей. Юридически они сделали все возможное чтобы считать этот митинг согласованным:

- обратились в Правительство Республики Ингушетия с уведомлением 14.03.2019;
- получили ответ Правительства Ингушетия от 16.03.2019;
- не согласились с ответом Правительства Ингушетия от 16.03.2019 и направили письменные возражения 19.03.2019;
- затем направили повторное уведомление в адрес Правительства Ингушетии от 22.03.2019;

- получили ответ Правительства Ингушетии от 25.03.2019 №3Е-586/р;

- и уже вечером 26.03.2019 было подано последнее уведомление (том 175 лист дела 168), на которое ответ от Правительства Ингушетии не был получен, но был получен своеобразный ответ от правоохранительных органов.

Для того, чтобы понять всю необоснованность версии обвинения и суда касательно событий марта 2019 года необходимо обратиться к правовым нормам.

Статья 31 Конституции РФ предусматривает, что граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Статьей 2 Федерального закона от 19.06.2004 №54-ФЗ №О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Закон о митингах) установлено, что для целей указанного закона используются следующие основные понятия, в том числе:

- публичное мероприятие - открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями;

- митинг - массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

Обращаю внимание суда, что вечером 26.03.2019 оставшиеся на стоянке люди публично никаких мнений не выражали, то есть люди просто находились на площади, а факт нахождения людей в том или ином месте не подпадает под термин митинга и публичного мероприятия, так как никто публично ничего не выражал.

Согласно статье 12 Закона о митингах орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления после получения уведомления о проведении публичного мероприятия обязан довести до сведения организатора публичного мероприятия в течение трех дней со дня получения уведомления о проведении публичного мероприятия обоснованное предложение об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия с указанием конкретных места и (или) времени, предлагаемых организатору публичного мероприятия для его проведения, а также предложения об устранении организатором

публичного мероприятия несоответствия указанных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям закона. Согласно этой же статье орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления отказывает в согласовании проведения публичного мероприятия только в случаях, если уведомление о его проведении подано лицом, которое в соответствии с законом не вправе быть организатором публичного мероприятия, либо если в уведомлении в качестве места проведения публичного мероприятия указано место, в котором в соответствии с законом или законом субъекта Российской Федерации проведение публичного мероприятия запрещается.

Из разъяснений Конституционного Суда РФ в постановлении от 14.02.2013 N 4-П и Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 26.06.2018 №28 следует, что орган публичной власти должен предпринять все зависящие от него меры для того, чтобы оно состоялось в заявленном организатором месте и в запланированное время, и не пытаться под любым предлогом найти причины, которые могли бы оправдать необходимость отступлений от предложений организатора публичного мероприятия. При этом публичное мероприятие должно считаться согласованным не только после получения подтверждения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, но и в случае, если указанные органы в установленный законом срок не довели до организатора публичного мероприятия предложение об изменении места и (или) времени его проведения.

Таким образом, у организаторов митинга были все основания полагать согласованным проведение митинга на 27 и 28 марта 2019 года, так как Правительство РИ не предложило иное место и время проведения митинга в указанные даты, как того требует Закон о митингах и оставило без внимания уведомление общественного движения «Опора Ингушетии» о намерении провести митинг в указанные даты.

Согласно статье 17 Закона о митингах в случае принятия решения о прекращении публичного мероприятия уполномоченный представитель органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления:

- дает указание организатору публичного мероприятия прекратить публичное мероприятие, обосновав причину его прекращения, и в течение 24 часов оформляет данное указание письменно с вручением организатору публичного мероприятия;
- устанавливает время для выполнения указания о прекращении публичного мероприятия;
- в случае невыполнения организатором публичного мероприятия указания о его прекращении обращается непосредственно к участникам публичного мероприятия и устанавливает дополнительное время для выполнения указания о прекращении публичного мероприятия.

Со стороны представителей исполнительной власти перечисленные требования выполнены не были. Часть этих пунктов была выполнена сотрудником правоохранительных органов, что не предусмотрено законом и что, наоборот,

дискредитирует их как сторону, заинтересованную в последующих событиях либо действующих в интересах заинтересованного лица. Сотрудники правоохранительных органов должны были активно себя проявлять только на следующей стадии установленной законом процедуры прекращения массового мероприятия, как это предусмотрено пунктом 2 той же статьи закона о митингах, которой установлено, что в случае невыполнения указания о прекращении публичного мероприятия сотрудники полиции (военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии Российской Федерации) принимают необходимые меры по прекращению публичного мероприятия, действуя при этом в соответствии с законодательством Российской Федерации. А законодательством РФ, в частности Федеральным законом от 7.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) предусмотрено, что на полицию в числе прочих возлагаются следующие обязанности:

- прибывать незамедлительно на место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов преступления, административного правонарушения, происшествия;

- выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний;

- обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий (далее - публичные мероприятия) безопасность граждан и общественный порядок, оказывать в соответствии с законодательством Российской Федерации содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий (далее - массовые мероприятия) в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий;

- пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством об административных правонарушениях к подведомственности полиции (пункты 2, 4, 6 и 11 статья 12 Закона о полиции).

Статьей 13 Закона о полиции предусмотрено, что полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляются следующие права:

- требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий, а равно действий, препятствующих законной деятельности государственных

и муниципальных органов, депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти, депутатов представительных органов муниципальных образований, членов избирательных комиссий, комиссий референдума, а также деятельности общественных объединений;

- проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом; проверять у граждан, должностных лиц, общественных объединений и организаций разрешения (лицензии) и иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности, контроль (надзор) за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством Российской Федерации;

- требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, документирования обстоятельств совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельств происшествия, для сохранения следов преступления, административного правонарушения, происшествия, для обеспечения безопасности граждан; в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан не допускать их на отдельные участки местности и объекты либо обязывать оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их; обращаться к группам граждан, нахождение которых в общественных местах не связано с проводимыми на законных основаниях публичными и массовыми мероприятиями, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан, объектам собственности, нарушает работу организаций, препятствует движению транспорта и пешеходов;

- составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применять иные меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях;

- осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места;

- производить регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным, а также других лиц в соответствии с федеральным законом (пункты 1, 2, 6, 7, 8, 18, 19 статьи 13 Закона о полиции).

Согласно пункту 3 статьи 17 Закона о митингах порядок прекращения публичного мероприятия, предусмотренный пунктом 1 статьи, не применяется в случае возникновения массовых беспорядков, погромов, поджогов и в других случаях, требующих экстренных действий. В этих случаях прекращение публичного мероприятия осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации. Закон о полиции в этом смысле в статье 16 предусматривает, что полиция защищает право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться. Ограничение полицией свободы передвижения граждан допускается только в случаях, предусмотренных настоящим федеральным законом и другими федеральными законами. Полиция имеет право проводить по решению руководителя территориального органа или лица, его замещающего, оцепление (блокирование) участков местности:

- при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций, при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и (или) эпизоотий;

- при проведении мероприятий по предупреждению и пресечению массовых беспорядков и иных действий, нарушающих права и свободы граждан, движение транспорта, работу средств связи и организаций;

- при розыске лиц, совершивших побег из-под стражи, и лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания;

- при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления;

- при проведении контртеррористической операции, проверке сведений об обнаружении взрывчатых веществ или взрывных устройств либо ядовитых или радиоактивных веществ.

При оцеплении (блокировании) участков местности может быть ограничено или запрещено движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан и общественного порядка, проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, охраны места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия, а также для защиты объектов собственности, которым угрожает опасность.

В соответствии с пунктом 4 статьи 17 Закона о митингах неисполнение законных требований сотрудников полиции (военнослужащих и сотрудников войск

национальной гвардии Российской Федерации) или неповиновение (сопротивление) им отдельных участников публичного мероприятия влечет за собой ответственность этих участников, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в свою очередь предусматривает в статье 19.3 ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в виде наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов.

Необходимо подытожить, что в соответствии со статьей 22 Закона о полиции сотруднику полиции запрещается применять специальные средства:

- в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции;

- при пресечении незаконных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований ненасильственного характера, которые не нарушают общественный порядок, работу транспорта, средств связи и организаций.

Не допускается применение специальных средств таким образом, чтобы нанести человеку травму головы, шеи, ключичной области, живота, половых органов, в области проекции сердца.

С учетом изложенных норм мы с уверенностью можем говорить о нарушении представителями власти действующего законодательства в части порядка прекращения массовых акций и применения специальных средств сотрудниками полиции.

Крайне важно, что в октябре 2018 года власти не разгоняли митинг после 18:00, хотя на том же месте люди ночевали на протяжении нескольких недель, не нарушая при этом общественный порядок. Остававшиеся на площади в ночное время люди, преимущественно старейшины, следили за соблюдением порядка, контролировали молодежь, т.е., по сути, помогали органам правопорядка. И они не признавались незаконно митингующими, не привлекались к административной, уголовной или иной ответственности, их не пытались вытеснить и тд.

Именно с учетом опыта октября 2018 года во взаимосвязи с фактической согласованностью мероприятия граждане были абсолютно уверены в том, что их аналогичное нахождение на площади без публичного выражения мнения также законно, как было законно в октябре 2018 года. Как и в октябре 2018 года, в марте 2019

года люди не нарушали спокойствие, не разжигали костров, не создавали шума, не распивали спиртных напитков и не совершали иных действий, запрещенных законом.

Несмотря на это, представители органов внутренних дел требовали немедленно покинуть площадь, не предоставляли гражданам разумное время и выдвинули неосуществимое требование: покинуть площадь в течение 5 минут. Старейшины и активисты предупреждали, что люди, подъезжающие для участия в митинге, могут столкнуться с теми, кто покидает г. Магас, и это обстоятельство может вызвать непредвидимые последствия негативного характера.

Необходимо обратить внимание на то, что даже если в действиях подсудимых были признаки нарушения закона, то такие действия могли быть квалифицированы максимум как административные правонарушения, но под признаки уголовного преступления точно не попадали. Об этом свидетельствуют в том числе свидетель обвинения Дахильгов А.А.Х., являвшийся заместителем отдельного батальона ППС полиции межмуниципального районного отдела МВД (страницы приговора 127-128), свидетель обвинения Сапралиев К.В., занимавший должность начальника управления общественной безопасности МВД Ингушетии (страницы приговора 131-133), свидетель обвинения Маммаев Б.А., занимавший должность заместителя начальника управления охраны общественного порядка МВД Ингушетии (страницы приговора 89-90), а также свидетель обвинения Боротов А.Н., занимавший должность заместителя начальника полиции по оперативной работе (страница приговора 118), которые показали, что после 18 часов люди не разошлись, в связи с чем их действия попадали под административное правонарушение, о чем они были уведомлены через громкоговоритель непосредственно Сапралиевым К.В. и Маммаевым Б.А.

Это также подтверждается видеозаписями с места событий, из которых следует, что патрульный автомобиль МВД подъезжал к митингующим и с использованием громкоговорителя призывал разойтись, сообщая дословно: «Уважаемые граждане! С 18 часов 26 марта Вы принимаете участие в несанкционированном мероприятии. Просим Вас покинуть площадку НТРК «Ингушетия. В случае неповиновения законным требованиям сотрудников Вы будете привлечены к административной ответственности!» (протокол осмотра предметов от 19.04.2019 в томе 8 листы дела 106-190, страницы приговора 149-151, а также протокол осмотра предметов от 19.04.2019 в томе 9 листы дела 76-121, страницы приговора 152-153).

На отсутствие у граждан, находившихся на площади, намерения организовывать массовые беспорядки или участвовать в них, либо применять насилие в отношении представителей власти, указывают следующие обстоятельства:

1) Если бы у подсудимых действительно была цель, поставленная по версии обвинения ещё в мае 2018 года, применить насилие в отношении представителей власти, тогда возникает закономерный вопрос почему эта цель не была реализована в течении двухнедельной публичной акции в октябре 2018 года, когда митинги были более продолжительными и многочисленными нежели в марте 2019 года? В этом плане

у потенциальных экстремистов, носящих в голове цель оказать кому-нибудь сопротивление, было преимущество и более благоприятные обстоятельства к этому. Согласитесь, глупо иметь цель применить насилие в отношении представителей власти именно утром 27.03.2019, когда твоих соратников стало меньше, по сравнению, например, с октябрём 2018 года или по сравнению с днем ранее - 26.03.2019. Это как минимум нецелесообразно пытаться в меньшинстве противостоять представителям власти, если такая цель стоит изначально. Все это является еще одним подтверждением отсутствия у подсудимых и других граждан какой-либо противоправной цели и таких целей не могло быть, о чем свидетельствуют события октября-ноября и тд.

2) Если целью подсудимых и граждан на площади было столкновение, неповиновение, воспрепятствование органам правопорядка, то почему большая часть граждан, в том числе подсудимые пытались успокоить и урегулировать ситуацию? Почему стулья и камни летели в Погорова А., Хаутиева Б., старейшин и тд.? Суд должен поставить перед собой эти вопросы и дать на них ответы, так как все, что я перечисли наблюдалось в видеоматериалах, представленных стороной обвинения. И вопрос в первую очередь должен быть поставлен следующего характера: может подсудимые руководили именно теми, кто пытался успокоить молодежь, а не наоборот? Ведь на исследованном видео видно, что большая часть населения оставалась безучастной в сопротивлении, а та часть, которая была активной преимущественно пыталась урегулировать конфликт. Почему мы должны принимать ничем не подтвержденную версию обвинения о том, что все находившиеся в Магасе люди, хотели оказать сопротивление и были мотивированы на сопротивление именно подсудимыми?

По версии обвинения на площади было около 400 человек, к уголовной ответственности за насилие привлечены около 50 человек ну пусть из будет 100, это четвертая часть и даже не половина, то есть получается, что большинство находившихся на площади в драке не участвовали. Тогда о каком авторитете и влиянии подсудимых в части побуждения к совершению преступлений может идти речь. Скорее наоборот весь их авторитет и влияние были использованы в целях урегулирования конфликта и об этом свидетельствует в том числе тот факт, что все подсудимые находились на другой стороне площади в метрах 50-100 от столкновения, а среди тех кто активно участвовал в столкновении даже среди них были те кто пытался предотвратить это столкновение .

3) Человек, заведомо знающий о том, что кругом стоят видеокамеры, и каждый его шаг будет зафиксирован, при наличии желания совершить преступление, непременно предварительно закроет свое лицо. Однако граждане не сделали этого, хотя ничто не мешало им надеть маски или иным образом закрыть лицо под покровом темноты. Кроме того, лица, имеющие умысел на сопротивление представителям правоохранительных органов, использующим спецсредства, вне всяких сомнений заготовили бы на месте предполагаемого преступления камни, кирпичи и иные предметы. Тем не менее, граждане на площади перед телецентром, обладая

соответствующими возможностями, не приняли мер к подготовке к силовым столкновениям с органами правопорядка, что указывает на исключительно мирный настрой и характер их нахождения на указанном месте.

В контексте мартовского митинга необходимо также отметить, что Ужахов М.М. покинул митинг 26.03.2019 примерно в 16:00. Об этом свидетельствует в том числе детализация телефонных соединений (том 94 листы дела 7-13), которая подтверждает, что Ужахов М. в промежуток времени с 16:00 по 20:00 отсутствовал в г. Магас.

В этом смысле не выдерживает никакой критики фабула обвинения и выводы суда о том, что «демонстративно не намереваясь прекращать организованное массовое публичное мероприятие в форме митинга, умышленно призывая оставшихся после 18:00 минут 26.03.2019 его участников совместно с ними принять участие в несогласованном с Правительством РИ публичном мероприятии в форме митинга до момента выполнения всех заявленных ранее требований, руководители экстремистского сообщества Ужахов М.М., Барахоев А.О., Мальсагов М.А., а также его участники Нальгиев И.М., Чемурзиев Б.А., Погоров А.С., Хаутиев Б.А., Саутиева З.М. и другие организаторы митинга, действуя совместно и согласованно между собой, объявили присутствующим на площади перед НТРК «Ингушетия» лицам о предпринятой Нальгиевым И.М. и Чемурзиевым Б.А. попытке продления в Правительстве РИ срока проведения публичного массового мероприятия». Все это не соответствует действительности, так как повторяю Ужахова М. в период с 16:00 по 20:00 26.03.2019 в Магасе не было, соответственно, не могло быть совместного принятия решений, согласований, призывов, выступлений на тему продолжения митинга.

Аналогичная ситуация с формулировкой суда относительно того, что часть участников митинга в количестве примерно 400 человек были организованы совместными согласованными действиями и призывами руководителей экстремистского сообщества Ужахова М.М., Барахоева А.О., Мальсагова М.А., а также его участников Нальгиева И.М., Чемурзиева Б.А., Погорова А.С., Хаутиева Б.А., Саутиевой З.М. и другими лицами и поэтому остались на площади перед зданием НТРК «Ингушетия». Возникает вопрос: где эти 400 человек? Кто они? Почему они не выявлены? Почему они не допрошены в рамках уголовного дела?

Обвинение, суд утверждают, что Ужахова М.М., Барахоева А.О., Мальсагова М.А., а также его участников Нальгиева И.М., Чемурзиева Б.А., Погорова А.С., Хаутиева Б.А., Саутиевой З.М. не желали выполнять законные требования представителей власти, находящихся при исполнении своих должностных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, и прекращать свою противоправную деятельность. Но лица, участвовавшие в переговорах со стороны правоохранительных органов, сами подтвердили, что подсудимые желали выполнить требования представителей власти, несмотря на их незаконность, но желали этого не на таких условиях, которые выдвигались представителями власти, так как предлагаемые условия были невыполнимы.

В продолжение своих преступных действий, как утверждает обвинение и суд, участники преступного сообщества распределили между собой роли, согласно которым Ужахов М.М., будучи представителем старшего поколения жителей Республики Ингушетия и этнических тейпов, обладая политическим, общественным и религиозным авторитетом среди населения республики, совместно с другим руководителем экстремистского сообщества Барахоевым А.О., должен был осуществлять психологическую мотивацию участников несогласованного с Правительством Республики Ингушетия публичного массового мероприятия в форме митинга, направленную на неподчинение законным требованиям представителям власти, находящимся при исполнении своих должностных обязанностей, и применение к ним насилия в связи с исполнением ими этих обязанностей, провокационно вызывая к их мужскому достоинству и национальному единству, манипулируя этническими обычаями, в том числе умышленно не покидая место проведения несогласованного митинга и своим присутствием обязывая любым способом обеспечить его безопасность, как особо уважаемого представителя старшего поколения, в качестве примера для остальных демонстрируя стойкость в своих радикальных политических убеждениях и решимость в их отстаивании, в целях возбуждения агрессии, упоминая исторические факты о депортации ингушского народа с исторической родины и имеющиеся неразрешенные проблемы административно-территориального устройства Республики Ингушетия, открыто и цинично демонстрируя свою политическую вражду к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.-Б.Б. и поддерживая среди окружающих участников несогласованного митинга агрессивные настроения обещаниями скорого прибытия им на помощь для оказания физического сопротивления представителям власти большого количества новых участников из числа жителей Республики Ингушетия.

Кроме того, действуя совместно и согласованно с Погоровым А.С., имеющим значительный опыт работы, в том числе по противодействию организации несанкционированных публичных массовых мероприятий, и занимавшим различные должности в системе МВД РФ, Ужахов М.М. и Барахоев А.О. должны были осуществить от имени всех участников несогласованного с Правительством Республики Ингушетия публичного мероприятия в форме митинга взаимодействие и переговоры с прибывающим на место руководством любых правоохранительных органов, в целях выражения отказа от выполнения законных требований представителей власти о прекращении противоправных действий и добровольном, в том числе личном, оставлении площади перед зданием НТРК «Ингушетия» в городе Магас, демонстрации готовности к силовому сопротивлению, а также выдвижения требований о предоставлении возможности и разрешения на продолжение проведения публичного мероприятия в форме митинга.

С учетом изложенного у меня возникают вопросы: Ужахов М. должен был или все-таки осуществлял психологическую мотивацию участников митинга? Он должен был или осуществлял от имени всех участников несогласованного митинга взаимодействие и переговоры с прибывающим на место руководством

правоохранительных органов? Так все-таки он должен был или осуществлял все это? Если должен был, то чем это подтверждается? Если осуществлял, то опять же чем это подтверждается? В обоих случаях ответ один – ничем!

При этом Ужахов М.М. лично не применял насилия в отношении представителей власти и не совершал действий, содержащих угрозу применения к ним насилия, однако, действуя из чувства политической вражды к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.-Б.Б., руководил исполнением преступления, в результате совершения которого 27.03.2019 участниками несогласованного с Правительством Республики Ингушетия митинга к 66 представителям власти, в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, применено насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия, а в отношении одного из представителей власти (Куркина И.П.), в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, применено насилие, опасное для здоровья. Снова ничем не подтвержденный вывод о том, что Ужахов М. кем-то руководил в целях нанесения вреда здоровью представителей власти.

Политическая вражда

В контексте обвинения о наличии политической вражды необходимо отметить, что вопрос об отставке Евкурова Ю. не стоял в мае-июне 2018 года (повестка июньского митинга «Возврат прямых выборов Главы республики»). Этот вопрос стал обсуждаться в обществе только в октябре после публичного заявления депутатов НС РИ о фальсификации процесса голосования по вопросу ратификации соглашения. Тем не менее подсудимые обвиняются в том, что, создав в мае 2018 года «экстремистское сообщество», они были объединены целью смещения с занимаемого поста действующего на тот период Главы республики Евкурова Ю. Обвинение в этой части беспочвенно, так как при отсутствии доказательств создания «экстремистского сообщества», в материалах дела нет и не может быть доказательств наличия у мифического сообщества целей смещения кого-либо с какой-либо занимаемой должности. Наоборот, стороной защиты представлены доказательства, которыми опровергается версия следствия и обвинения в этой части.

Цели и задачи «сообщества»

В приговоре суда приводится версия того, что «экстремистское сообщество» имело целью подготовку и совершение преступлений, направленных на применение насилия к представителям власти. Приходится повторяться, что нет ни одного доказательства, подтверждающего эту версию обвинения. Если даже исходить из периода деятельности не существующего «экстремистского сообщества», то фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что с мая 2018 года по март 2019 года были проведены около десятка публичных мероприятий (митинги, сходы, съезды, конгресс) и столкновение с сотрудниками Росгвардии произошло только на одном из них, самом последнем. Это обстоятельство должно заинтересовать суд, ведь с мая 2018 года по утро 27 марта 2019 года у организаторов публичных мероприятий не возникало

никаких проблем с сотрудниками правоохранительных органов. Наоборот сложились доверительные, конструктивные взаимоотношения, в результате которых обе стороны дополняли друг друга, что способствовало высокому уровню организации и безопасности массовых мероприятий. Нельзя забывать, что некоторые публичные мероприятия завершались досрочно, что также опровергает версию о целях подсудимых и свидетельствует о полном взаимопонимании с представителями власти.

Из фактических обстоятельств дела, показаний подсудимых и свидетелей следует, что по сути деятельность руководителей и участников общественных движений Ингушетии в период протестных акций сводилась к оказанию содействия правоохранительным органам в осуществлении охраны общественного порядка. При этом, общественные движения были задействованы именно по инициативе правоохранительных органов. Таким образом, деятельность организаторов публичных акций и активистов из числа граждан республики была регламентирована Федеральным законом от 2.04.2014 №44 «Об участии граждан в охране общественного порядка», согласно статьям 2 и 8 которого граждане вправе участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению органов внутренних дел (полиции) и иных правоохранительных органов. Под участием граждан в охране общественного порядка подразумевается оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах.

Именно этим занимались люди, оказавшиеся сегодня на скамье подсудимых. В этой связи суд должен подробно и щепетильно изучить все обстоятельства, ставшие причиной столкновения утром 27.03.2019. Призываю суд не ограничиваться версией следствия и обвинения, оценить все имеющиеся в материалах дела доказательства в совокупности и сделать вывод относительно того, кто все-таки спровоцировал этот конфликт.

Форма и методы деятельности

В обжалуемом приговоре указано, что формами и методами деятельности экстремистского сообщества являлись:

- планирование, подготовка и организация массовых мероприятий, в том числе несанкционированных;

- создание видеообращений к неограниченному кругу лиц, включающему в себя в том числе жителей Республики Ингушетия, и распространение данных видео в сети Интернет.

Непонятно с каких пор планирование, подготовка и организация массовых мероприятий, а также запись видеообращений к неограниченному кругу лиц и распространение их в сети Интернет является преступлением, тем более экстремистской направленности.

Если говорить о том, как были организованы и проведены митинги в Ингушетии, то с уверенностью можно сказать, что ни на одном из массовых мероприятий не было зафиксировано экстремистских лозунгов, призывов к противоправным действиям и тд. Ни одно видеообращение также не содержало в себе таких призывов. Это подтверждается материалами дела.

Продолжая версию обвинения в этой части необходимо отметить, что в качестве форм и методов деятельности сообщества оказывается использовалось и побуждение граждан к совершению противоправных деяний, воспрепятствование законной деятельности представителей власти. В ходе судебного следствия мы так и не узнали в каком обращении, каким выступлением было зафиксирован призыв воспрепятствования законной деятельности представителей власти. Если даже допустить, что такие призывы имели место быть, то хотелось бы узнать, чем увенчались такие призывы и в чем конкретно выразилось это воспрепятствование деятельности представителей власти.

Как указывает суд «с целью повышения эффективности преступной деятельности созданной организованной группы, были распределены обязанности между членами организации». Тем не менее, не были представлены доказательства наличия каких-либо конкретных обязательств и их распределения между подсудимыми, что является еще одним доказательством несостоятельности версии относительно организации «экстремистского сообщества», его сплоченности и согласованности. Чем подтверждается, что Ужахов М.М. давал обязательные к исполнению поручения, например, Чемрзиеву Б., Хаутиеву Б., Нальгиеву И. и Саутиевой З. или обязывал их к чему-либо? Чем подтверждается, что Ужахов М.М. контролировал деятельность своих «подчиненных»? Ничем!

Помимо всего Ужахову М.М. и Барахоеву А.О. вменяют использование членов Совета тейпов, не осведомленных об их преступном умысле, для призыва жителей Республики Ингушетия на массовые мероприятия, указывая на якобы незаконные действия органов государственной власти Республики Ингушетия. Если допустить достоверность этого тезиса, то после возбуждения уголовного дела, задержания подсудимых, их последующего осуждения, введенные в заблуждение представители Совета тейпов должны были прозреть и подтвердить виновность этих лиц, но показания участников движения и не только в ходе судебного следствия и общественное мнение в республике опровергают версию обвинения относительно того, что Ужахов М.М. и Барахоев А.О. кого-то вводили в заблуждение или использовали в каких-то корыстных целях.

Более того, хочу обратить внимание на словосочетание «...указывали на якобы незаконные действия властей...». Мне кажется, это очень важный момент, на который стоит обратить внимание. То, что действия бывшего Главы республики, бывшего состава правительства и парламента республики в сентябре-октябре 2018 года являлись незаконными подтверждается многочисленными доказательствами, имеющимися в материалах дела. Снова обратимся к Съезду народа Ингушетии 2013 года, на котором

было принято коллективное, всенародное решение с участием того же Главы республики, председателя парламента, других официальных лиц и делегатов съезда, о признании работы комиссии по установлению границы с Чеченской Республикой удовлетворительной. Напомню, что комиссия в 2013 году завершила свою работу и предложила всему ингушскому народу установить границу с Чечней по сложившейся меже. Принятое Съездом народа Ингушетии решение не было изменено или отменено, но это не помешало руководству республики в нарушение действующего законодательства без учета мнения народа подписать незаконное соглашение в 2018 году. Далее было решение Конституционного суда Республики Ингушетия, который уже официально и юридически закрепил незаконность действий властей республики. В этой связи словосочетание «...указывали на якобы незаконные действия властей...» неуместно со стороны обвинения и суда, так как эти люди указывали на явно незаконные действия властей. Более того, о больших коррупционных схемах подробно рассказывали Чемурзиев Б. и Погоров А.

В контексте форм и методов деятельности подсудимых обращаю внимание суда на письма Совета тейпов ингушского народа за подписью Ужахова М.М., адресованные начальнику УФСБ России по Ингушетии и начальнику ЦПЭ МВД России по Ингушетии, в которых сообщается о днях проведения заседаний Советом тейпов, и посредством которых представители вышеупомянутых структур приглашаются для принятия участия в таких заседаниях с целью предостережения от совершения действий и принятия решений, противоречащих законодательству, в том числе экстремисткой направленности (том 176 листы дела 232-235).

Кроме того, в материалах уголовного дела имеется решением Верховного суда Республики Ингушетия от 27.03.2020 о ликвидации общественного движения «Совет тейпов ингушского народа». Указанным решением, оставленным в силе судами апелляционной и кассационной инстанций, был отклонен довод административного истца – Управления Министерства юстиции России по Республике Ингушетия о том, что в деятельности общественного движения «Совет тейпов ингушского народа» есть признаки экстремисткой деятельности (том 176 листы дела 239-250, страница приговора 287). Суду первой инстанции было представлено аналогичное решение относительно ликвидации Ингушского комитета национального единства (том 175 листы дела 71-132).

Указанным документам, равно как и иным доказательствам со стороны защиты, судом первой инстанции дана извращенная оценка и интерпретация, общий смысл которых сводится к тому, что те или иные документы, опровергающие версию обвинения, не являются доказательствами невиновности подсудимых. Откровенно, я не знаю как комментировать такие выводы суда, оставляю это на совести судьи, рассматривавшим дело, лишь с сарказмом могу отметить, что это явно нельзя назвать «максимальным стандартом разумности» обоснования со стороны суда своих выводов.

Конспирация

Суд указывает на то, что для оперативной связи и конспирации своей деятельности, опасаясь привлечения к уголовной ответственности, организаторами и участниками экстремистского сообщества использовались для переговоров мессенджеры «WhatsApp», «Viber» и «Telegram», получение информации с которых представляет сложность для правоохранительных органов. При этом, в ходе обыска у Ужахова М. был изъят телефон, на котором не было пароля. Более того, велась прослушка телефонных разговоров Ужахова М.М. О том, что такое «Viber» и «Telegram» Ужахов М. не имеет представления, соответственно, он не мог состоять в каких-то группах и тем более быть администратором групп в указанных мессенджерах. После возбуждения уголовного дела Ужахов М.М. неоднократно являлся по повестке в здание следственного органов, был допрошен в качестве свидетеля. Все это в совокупности свидетельствует о том, что он не скрывался, не вел конспиративную деятельность, а действия его были открыты и прозрачны для всех и это подтверждается в том числе содержанием телефона, который был у него изъят при обыске.

В этом контексте несостоятелен вывод суда первой инстанции о том, что у обвинения возникали сложности в доступе к переписке Ужахова М. (страница приговора 9). Это не соответствует действительности, так как повторюсь доступ к телефону и переписке Ужахова М. был обеспечен и это подтверждается протоколом осмотра предметов от 24.04.2019 (том 94 листы дела 53-135). В ходе осмотра внимание следствия привлекли два входящих сообщения, которые на тот период времени являлись вирусными в ингушском сегменте. Факт заключается в том, что посредством телефона Ужахова М. опровергается факт устойчивой связи между подсудимыми, наличия каких-либо мер конспирации и тд.

Заключительные положения

С учетом всего вышеизложенного можно с уверенностью констатировать факт крайне безалаберной работы следствия, обвинения и суда первой инстанции в рамках уголовного дела. И в этой связи нельзя не упомянуть об этом пресловутом стандарте «минимальной разумности», который установил для защиты суд первой инстанции для опровержения предъявленного обвинения. При этом сам суд пренебрёг всеми возможными стандартами и требованиями, предъявляемыми УПК РФ и Верховным Судом России (постановление Пленума №55 от 29.11.2016) к содержанию приговора и порядку его вынесения.

Безалаберность характеризуется тем, что в рамках уголовного дела следствием были допрошены в качестве свидетелей 286 человек. Из них 104 человека в итоге не вошли в список свидетелей обвинения, 46 человек из свидетелей обвинения перевоплотились в потерпевших, а 5 человек – в обвиняемых. Согласно обвинительному заключению свидетелями обвинения выступили 131 человек, из которых в ходе судебного следствия допрошено только 38 и показания одного свидетеля оглашены. Таким образом, в рамках уголовного дела в холостую допрошено 196 человек, а их показания заняли не меньше 5 томов уголовного дела.

Согласно обвинительному заключению потерпевшими выступили 67 человек, из которых допрошены в рамках судебного следствия 49 человек. При этом непонятно каким образом указанным лицам был присвоен статус потерпевших, если они сами себя таковыми не считали, претензий к подсудимым не имели.

Относительно критического отношения суда первой инстанции к показаниям свидетелей защиты ввиду того, что эти свидетели якобы являются сторонниками подсудимых.

Довожу до сведения суда, что из допрошенных в качестве свидетелей обвинения по делу 286 человек большую часть составляют должностные лица, госслужащие и сотрудники правоохранительных органов - 153 человека. Таким образом, дело буквально напичкано показаниями должностных лиц регионального значения, большинство из которых являются сотрудниками органов внутренних дел (146 человек). Если говорить о лицах, допрошенных в ходе судебного следствия, то из 38 свидетелей обвинения 13 свидетелей это должностные лица и госслужащие, из которых 8 человек являются сотрудниками органов внутренних дел.

Среди сотни допрошенных свидетелей защиты 6 человек были представителями власти, из которых 3 являлись представителями органов внутренних дел, в том числе бывший министр внутренних дел республики. Кроме того, сторона защиты была заинтересована в допросе еще большего количества высокопоставленных должностных лиц, которые могли бы дать важные показания в рамках настоящего дела.

По логике суда первой инстанции из вышеизложенной мною информации следует, что среди должностных лиц, госслужащих и сотрудников органов внутренних дел республики было много сторонников подсудимых, так как большинство свидетелей обвинения указанной категории положительно охарактеризовали подсудимых, из чего в свою очередь можно сделать два вывода: либо все эти должностные лица являются латентными экстремистами, в том числе весь руководящий состав министерства внутренних дел республики, либо все-таки подсудимые являются законопослушными гражданами республики, которые строили свои отношения с государственными органами и должностными лицами по принципу взаимодействия, а не противодействия.

Характерно для настоящего уголовного дела, что показания свидетелей обвинения и потерпевших, обвинительное заключение, а также сам приговор основаны на таких выражениях и словах, как «должен был», которое использовано в приговоре 14 раз, 27 раз использовано выражение в сослагательном наклонении «если бы», 155 раз – слово «примерно», словосочетание «может быть» - 32 раза, неоднократно использованы слова и выражения «предположительно», «якобы», «не позднее», «вероятно», «скорее всего», «не более», «не менее», «может быть», «не знаю» и тд. Если суммировать все эти слова, то получится, что приговор суда первой инстанции в большей части состоит из абстрактных выражений, на которых недопустимо строить структуру обвинения и содержание приговора.

Обращаю внимание суда, у большинства свидетелей обвинения и потерпевших нет претензий к подсудимым, но эти претензии есть у бывшего Главы республики Евкурова Ю., который в момент своей отставки очень сильно хотел, чтобы эти люди сидели как можно дольше. Более того, из показаний свидетелей обвинения и защиты становится очевидным, что на самом деле давление на представителей власти, пользуясь своим должностным положением, оказывал на самом деле Евкуров Ю., а не подсудимые. Евкуров Ю. использовал все ресурсы, в том числе подконтрольные СМИ (тв, радио, соцсети и тд.), создавая положительный фон факту подписания незаконного соглашения, а также в целях подавления недовольств, связанных с передачей земли и дискредитацией участников протеста. Велась активная антипропаганда протестных акций, граждан предупреждали о незаконности этих публичных мероприятий, хотя они были согласованными, и делалось это в целях не допустить многочисленности этих митингов. Но граждане республики, наоборот, считали своим долгом выйти и выразить своим участием в митинге несогласие с произволом властей.

Стоит обратить внимание на то, какие вопросы задавал прокурор свидетелям и потерпевшим в ходе судебного следствия. В большей части это были провокационные и наводящие вопросы. Например, подводя к тому, что якобы соглашение было заключено на взаимовыгодных условиях, соответственно, причин для проведения митингов, выражения протестов на самом деле не было, прокурор задавал вопрос: какая часть земель перешла Чечне, а какая часть перешла Ингушетии. Прокурор либо умышленно делал вид, либо в силу невежества действительно не понимал, что возмущение народа в связи с заключением соглашения в первую очередь вызвала сама процедура передачи земель, точнее не соблюдение этой процедуры, а не предмет и условия соглашения. Важно было, что сделала региональная власть и как она это сделала.

Судья Куцуров Я. неоднократно заявлял в ходе рассмотрения дела, что подписанное соглашение для настоящего процесса не имеет никакого значения. И это было большим заблуждением с его стороны, что в свою очередь явилось следствием такого абсурдного приговора. Ведь это соглашение сыграло ключевую роль во всех событиях, происходивших тогда и происходящих сейчас. Фактически настоящий судебный процесс – это следствие заключения соглашения. Поэтому, когда судья говорит, что его не интересует процедура подписания соглашения, кто был «за», кто - «против», тем самым судья абстрагируется от основы, от первопричины всех последующих событий. Понятное дело, что в настоящем деле не должна даваться юридическая оценка этому соглашению, это уже сделано аж двумя конституционными судами. Но события вокруг подписания этого соглашения, фальсификация, связанная с ним, давление Главы республики в целях протолкнуть этот противозаконный акт, показания депутатов, иски в суды, заявление в следственный комитет, все это должно интересовать суд, рассматривающий настоящее дело! Суд обязан всесторонне и полно исследовать все обстоятельства, связанные с этим делом, а подписание соглашения по сути явилось первой провокацией со стороны руководства республики и реальной причиной массовых протестов. Не стремление к власти, как утверждает обвинение, не

деньги или другие преференции, а нарушение закона послужило причиной для протестов.

Уважаемый суд! Хочу обратить Ваше внимание, что фактически обвинительный приговор и доказательства, на которых он основан, свидетельствуют о превышении полномочий сотрудниками полиции, Росгвардии, а также представителями исполнительной и законодательной власти республики. Материалы настоящего уголовного дела в этом смысле являются базой для привлечения к уголовной ответственности вышеперечисленных должностных лиц.

Из указанных материалов следует, что руководство правоохранительных органов находилось в служебной зависимости и под влиянием политического авторитета представителей федерального центра. Также установлено, что упомянутое влияние из центра осуществлялось по каналам закрытой связи. Тем не менее это не помешало действовать сотрудникам Росгвардии под непосредственным и согласованным руководством должностных лиц - офицеров руководящего состава Бачурина, Зубова, Кавы, Полищука и др. неустановленных руководителей правоохранительных органов, превышавших свои должностные полномочия установленные действующим законодательством РФ в соответствии с единым для них преступным умыслом, осознавая, что перед ними мирные граждане и уважаемые в народе законопослушные представители различных и многочисленных тейпов Ингушетии, то есть не уголовники, не рецидивисты, не коррупционеры из органов власти, а обычные граждане, наделенные правами и преследующие законные интересы, которые в соответствии Конституцией РФ и Конституцией РИ, Законом о митингах, Законом об общественных объединениях, охраняли общественный порядок и обеспечивали своим присутствием общественную безопасность, не желая нарушать требования закона и действуя исключительно в целях недопущения столкновения с представителями власти, не допуская их ранее и избегая возможности их допущения, представители правоохранительных органов все-таки умышленно предприняли силовое вытеснение и необоснованно применили в отношении граждан насилие, наносили удары руками и ногами, палками, металлическими щитами и их частями, ошибочно считая что такими действиями возможно будет урегулировать ситуацию и обеспечить общественный порядок. В итоге указанные действия сотрудников правоохранительных органов только усугубили ситуацию и руководящие должностные лица силовых ведомств, планировавшие, готовившие и руководившие вышеуказанными действиями, по сути добились поставленной задачи.

В результате вышеуказанных противоправных действий работников органов правопорядка 57 представителей власти испытали физическую боль, без серьезных телесных повреждений, а 10-м представителям власти были причинены телесные повреждения различной степени тяжести. Кроме того, телесные повреждения были нанесены гражданам, находившимся на площади.

В результате незаконных, тактически не продуманных действий представителей власти осуждены по ч.1 ст.318 УК РФ (применение насилия, не опасного для жизни

или здоровья, в отношении представителей власти), в том числе в особом порядке более 50 человек.

Осуждены наши подсудимые и дело еще одного человека находится в суде.

К административной ответственности привлечены около 300 человек.

Таким образом, в период с мая 2018 года по конец марта 2019 года, в результате деятельности руководства республики и других должностных лиц, направленной на обострение политической обстановки, в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в регионе, совершены преступления уголовного характера, которым не дана соответствующая правовая оценка и которые остались без внимания со стороны органов следствия, прокуратуры и суда.

В этой связи целесообразно было бы, чтобы на скамье подсудимых сидели не эти люди, а те должностные лица, которые умышленно по предварительному сговору, спровоцировали ситуацию, в результате которой в субъекте РФ возникла острая кризисная общественно-политическая обстановка.

Именно в отношении этих представителей органов власти сейчас должно было вестись судебное следствие по следующим статьям УК РФ: статья 42 УК РФ, предусматривающая ответственность за исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения; статья 141 УК РФ – за воспрепятствование праву участия в референдуме; статья 207.2 УК РФ – за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия; статья 285 УК РФ – за злоупотребление должностными полномочиями; статья 286 УК РФ – за превышение должностных полномочий; статья 294 УК РФ – за воспрепятствование осуществлению правосудия, статья 305 УК РФ за вынесение заведомо неправосудного судебного акта. И это минимум статей, по которым можно возбуждать не показательные, а реальные уголовные дела.

Обращаю внимание, что в приговоре на страницах 291-296 суд первой инстанции перечислил документы, которые были истребованы и приобщены к материалам уголовного дела по ходатайству стороны защиты.

При этом в ходе судебного следствия защитой Ужахова М. было заявлено ходатайство об истребовании копий поручительств, находящихся в основном уголовном деле, которые были представлены стороной защиты при решении вопроса об избрании меры пресечения подсудимому Ужахову М.

Указанные поручительства были представлены суду, исследованы в ходе судебного заседания 08.11.2021 и приобщены к материалам уголовного дела (страницы 2537-2538 протокола судебного заседания).

При этом, суд приобщив поручительства к материалам дела, фактически не сослался на них в приговоре и не дал им надлежащую оценку.

Указанные поручительства содержат положительную характеристику Ужахова М. от более 30 уважаемых граждан в Республике Ингушетия и Российской Федерации, в том числе доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Высшего Арбитражного Суда России в почётной отставке; Почетный работник Прокуратуры СССР в отставке; Заслуженный учитель Российской Федерации; Заслуженный врач Российской Федерации, депутаты Народного Собрания Республики Ингушетия от партии «Единая Россия», депутаты местного самоуправления и представители Совета тейпа Ужаховых.

Так вот указанные поручительства, равно как и другой характеризующий материал, фактически не учтены судом первой инстанции при вынесении приговора.

И вообще, если исходить из логики суда о доказанности вины подсудимых, в частности Ужахова М., то непонятно каким образом суд исчислял сроки лишения свободы для подсудимых, если каждый из них получил ровно столько, сколько запросило обвинение. Почему и на основании чего суд посчитал невозможным применить более мягкое наказания с применением положений статьи 64 УК РФ. Или почему он не мог рассчитать срок лишения свободы путем частичного сложения таким образом, чтобы возможно было применить положения статьи 73 УК РФ об условном осуждении.

Ваша честь! Прошу учесть, что рассматриваемое дело довольно простое если подходить к нему с юридической, с правовой точки зрения, однако в силу имеющегося политического окраса и явно заказного характера это дело оказалось обремененным внепроцессуальными событиями, ярким свидетельством чему является нахождение подсудимых под стражей уже четвертый год без единого на то основания, а также полученные ими абсолютно необоснованные сроки по приговору.

Все доказательства в ходе судебного следствия нами тщательно изучены. И для стороны защиты после изучения доказательств очевидна невиновность всех подсудимых в предъявленном им обвинении. В этой связи я попросил бы Вас при даче оценки тем или иным доказательствам, на которые опирается сторона обвинения, не забывать сопоставлять их с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. На мой взгляд, при вынесении итогового судебного акта было бы целесообразно, чтобы Вы в первую очередь сопоставили между собой доказательства стороны обвинения, которые явно противоречат друг другу и каждое последующее доказательство опровергает предыдущее. Взять хотя бы показания некоторых свидетелей обвинения и потерпевших, которые идут в разрез с данными видеозаписей, заключениями экспертов и другими доказательствами, имеющимися в материалах дела.

После сопоставления между собой доказательств обвинения, уважаемый суд, необходимо сопоставить доказательства обвинения со всеми доказательствами стороны защиты, после чего противоречий и несоответствий в обвинении станет еще больше.

Всестороннее, полное и беспристрастное исследование всех материалов дела в совокупности позволит Вам с уверенностью, без угрызения совести, вынести объективный и справедливый судебный акт, которым подсудимые будут оправданы!

Уважаемый суд! Подсудимый Ужахов М. невиновен, равно как и все, кто вместе с ним сегодня находится на скамье подсудимых, в этой связи они несомненно должны быть оправданы!

Спасибо всем за внимание!

Адвокат Асхаб Ужахов _____

Я хотел бы уважаемый суд чтобы также тщательно изучили материалы дела и дали им свою оценку, как вы это делали в одном из первых заседаний относительно ордера Калоя Ахильгова. И наоборот я хотел бы вас предостеречь от выборочного подхода к изучению документов, от выдергивания из контекста содержания документов, которые были вами продемонстрированы при разрешении ходатайства с моей стороны по аудиозаписям, когда вы зачитали целиком письмо суда и не зачитали самый важный абзац моего ходатайства.

Мне не хотелось бы чтобы вы продолжали обвинительный уклон в разрешении или рассмотрении уголовного дела будь вы хоть трижды работником прокуратуры ранее в настоящий момент вы является судьей, грубо говоря арбитром между обвинением и защитой и ваша задача вынести объективный и

справедливый судебный акт не будучи предвзятым ни к одной из сторон процесса. Тем не менее ход процесса а именно тот факт, что вы ни разу ни сказали присяжете прокурору, ни разу его не оборвали во время выступления, ни разу не сделали ему необоснованного замечания под протокол, ни разу не отказали в удовлетворении его ходатайств все это настораживает. Настораживает ваше чрезмерно уважительное отношение к правам бывших коллег и крайне неуважительное отношение к правам подсудимых и их защитников.

Надеюсь что вы сможете все таки

То как вы разрешили ходатайства по аудиозаписям, по возможности ознакомления подсудимым с протоколом судебного заседания, по возможности ознакомления с материалами полученными в ходе апелляционного производства, в частности с графиками ознакомления адвокатов дублеров с делом, само назначение адвокатов – все это говорит о том, что вы к сожалению недостаточно квалифицированы в рассмотрении такого рода дел.

Ваше замечание за якобы отлучение без разрешения суда на фоне того что вы сами грубо нарушили порядок в части начала заседания без защитника Хаутиева и при том что вы сами ни разу не начали судебное заседание во время.

Не заостряя большого внимания на адвокатах по назначению обращаю внимание лишь на то что вопреки действующему законодательству они были введены в процесс, но этого ничего иногда от этого бывает польза но самая главная ошибка заключается в том что вы вопреки требованиям закона об адвокатуре вопреки требования кодекса профессиональной этики адвоката первое что вы сделали это вместо того чтобы пойти на встречу со своим подзащитным вы пошли на встречу суду и подписали документ в подтверждение того что вы физически просто на просто не успели бы сделать, да что уже говорить суд до сих пор не изучил все материалы дела и даже не знал в каком томе у них аудиозаписи и есть ли они вообще, а вы умудрились это сделать. Таким образом суд вас грубо говоря подставил и если вы надеетесь что от этого вам будут какие либо преференции в контексте того что сказал Ахильгов а нам с ними работать то максимум в чем вам пойдут на встречу это не будут перебивать и может быть разрешат ознакомиться с материалами дела

Судебные акты со стороны обвинения об осуждении некоторых участников митинга судом оценены как доказательства состава преступления, а не вины подсудимых, это как? В другом месте им дана оценка

И в том и в другом случае им дана какая то оценка, а судебным актам со стороны защиты соответствующая оценка не дана

Парадокс этого дела – это отмечают все и вы на это обратили внимание что в деле нет ни одного доказательства вины подсудимых ни одного и тем не менее обвинительный приговор был внесен и был вынесен ровно потому что суд не учел и не признал обоснованным ни один довод стороны защиты ни один!

События произошедшие несколькими днями ранее демонстрируют как могут прекращаться уголовные дела и преследования в отношении реальных военных мятежников террористов и изменников родины и мы видим как идёт настоящее дело уже четыре года в отношении людей

Вы мне делаете замечание за нарушение порядка регламента а сами нарушаете закон и задержали людей на четыре года

Не дали ознакомиться чем предрешили

Барахоев А.О.: «Сергей Александрович, я вам говорю официально сейчас. Я сейчас с этими людьми ухожу, да, поверьте мне будут перекрыты трассы, будут перекрыты... все что будет угодно... ответственность будет на вас, не на мне, я больше не уйду ни с кем, ни на переговоры, ни на какие дела. Я, я... не ультиматум я это говорю, но я... Дмитрий Богданович, я никакие ультиматумы я
151

вам не предъявляю, я не имею на это право. Я болею душой за свой народ. Я не хочу, чтобы кровь проливалась, и вы этого не хотите»

Кава Д.Б.: «Нет. Не хочу»

Барахоев А.О.: «И вы Сергей Александрович не хотите!»

Зубов С.А.: «Нет»

Барахоев А.О.: «Я абсолютно в этом уверен! Абсолютно уверен,

Протоколом осмотра предметов от 19.04.2019/т. 8 л.д. 106-190/

Уверен только 8 раз и в большей части эти слова были использованы Барахоевым ... зачитать выдержку! Стр. 151 приговора. И это в контексте «давайте драться», т.е. Куцуров выдернул то что ему выгодно